

Сержантъ-маіоръ Коттонъ, въ своемъ сочиненіи: «Une Voix de Waterloo», описываетъ слѣдующій случай:

«Нѣмецкій гусарь и французскій кирасирь, прежде, нежели принять участіе въ общемъ бою, встрѣтились на полѣ битвы въ виду нашихъ линій. Передъ этимъ еще гусарь потерялъ свой киверъ, и кровь сильно струилась изъ его головной раны. Однакожь, это не помѣшало ему кинуться на своего противника, закованнаго въ желѣзо, и онъ ясно доказалъ, что искусство въ управленіи лошадыю и умѣнье владѣть своею саблею болѣе значатъ, нежели предохранительное вооруженіе. Превосходство гусара можно уже было замѣтить и изъ того, какъ ловко онъ разсѣкалъ желѣзо. Послѣ нѣсколькихъ нападеній, страшный ударъ выбилъ Француза изъ сѣдла, и всѣ его усилія воспротивиться быстрымъ нападеніямъ своего противника остались тщетными; наконецъ второй ударъ повалилъ его уже мертваго на землю. 3-й гусарскій полкъ, жадно слѣдившій за этимъ отчаяннымъ поединкомъ, шумно аплодировалъ побѣдителю, принадлежавшему также къ ихъ полку.»

Капитанъ прусскихъ гвардейскихъ уланъ г. Ганцауге (Ganzauge), въ своихъ замѣчаніяхъ о военномъ искусствѣ, приводитъ, изъ кампаніи 1813 года, много примѣровъ разнаго рода стычекъ между рускими казаками и французскою кавалеріею. Эти случаи ясно доказываютъ намъ, какъ много мѣшали этой кавалеріи дурная тактика и дурное обмундированіе ея, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ей приходилось имѣть дѣло съ казаками.

Такъ какъ это сочиненіе не пользуется извѣстностію у насъ, то я приведу нѣсколько отрывковъ изъ него.

«19 августа 1813 года, по окончаніи перемирія, Французы начали преслѣдовать союзниковъ по направленію къ Берлину и Потсдаму. Полковникъ Бихайловъ, съ полкомъ донскихъ казаковъ, получилъ приказаніе сдѣлать рекогносцировку по направленію къ Люшенвальду. Онъ расположился на бивуакѣ близъ дороги, ведущей изъ Требуана, и наступалъ потомъ черезъ Шарфенбрюкке и Вальтесдорфъ. Съ нашимъ приближеніемъ, непріятельскіе аванпосты начали отступать и вслѣдствіе этого открыли намъ пространство къ сѣверу и къ востоку отъ Люшенвальда. Въ этотъ моментъ, многочисленный кавалерійскій корпусъ вышелъ изъ города и, въ виду войскъ, началъ перестраиваться въ глубокую колонну съ фланкерами, расположенными на обоихъ флангахъ.»

«Казакѣ не могли одолѣть своихъ многочисленныхъ противниковъ, и такъ какъ они при этомъ не рѣпались атаковать ихъ, то поэтому и продолжали свое отступленіе. Французы пустились на рысяхъ за ними и, чтобы воспрепятствовать Русскимъ прорваться сквозь интервалы между эскадронами, сомкнулись и понесли вправо отъ центра нашей линіи, которая, конечно, разомкнулась при этомъ, чтобы окружить ихъ. Французы, никого не видя передъ собою, остановились; но неугомонные противники стремительно кинулись на ихъ фланги, открыли по нимъ стрѣльбу и, въ самое непродолжительное время, привели ихъ въ такое замѣшательство, что Французы рѣшительно не могли тронуться съ мѣста. Казаки вовсе и не думали о томъ, чтобы своею стремительною атакою разогнать ихъ: они довольствовались тѣмъ, что своимъ огнемъ сильно беспокоили ихъ и, употребляя по временамъ свои длинныя пики, производили частныя нападенія. Наконецъ передніе ряды непріятельской кавалеріи перестроились въ каре и, защищаясь прикладами своихъ карабиновъ, открыли пальбу, продолжавшуюся, по крайней мѣрѣ, около получаса. Въ эту критическую минуту, изъ-за Люшенвальда показались головы колоннъ французской пѣхоты, спѣшившей на помощь своимъ войскамъ; затѣмъ артиллерія выѣхала на позицію и, открывъ огонь, избавила, такимъ образомъ, отъ опасности цѣлую кавалерійскую колонну, которая при этомъ не замедлила обратиться въ бѣгство. Полковникъ Бихайловъ, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ, отступилъ, съ своими войсками, на Шарфенбрюкке.

«Въ скоромъ времени послѣ сраженія при Денневитцѣ, этотъ же полкъ казаковъ расположился въ окрестностяхъ Кенигсберга и Дрездена. Полковнику Бихайлову приказано было наблюдать за дѣйствіями французской кавалеріи, наступавшей по направленію къ Гроссенъ-Гайну, въ случаѣ нужды и атаковать ее. Вслѣдствіе этого, 19 октября, мы двинулись на Эстельвердъ и, узнавъ, что непріятель занялъ всѣ деревни къ югу отъ Мюльберга, рѣшились врасплохъ напасть на него. Едва мы успѣли добраться до кустарниковъ, тянувшихся на пространствѣ отъ Мюльберга до Шпаннберга, какъ къ намъ присоединился, съ своимъ полкомъ, генералъ Иловайскій и принялъ главное начальство надъ всѣми нашими силами, простиравшимися до 12 сотенъ казаковъ.

«Не знаю, была ли эта встрѣча дѣломъ случая, или на нее заранѣе уже рассчитывали, но когда мы прошли мюльбергскій

лѣсъ, то увидѣли всю французскую кавалерію, расположенную въ окрестностяхъ Боракка. Одна ея часть успѣла уже соединиться, а другая, въ видѣ небольшихъ отрядовъ, выходила изъ деревень, занятыхъ ею. Пѣйные въ послѣдствіи говорили намъ, что число непріятельскихъ войскъ простиралось, въ этихъ деревняхъ, до двухъ тысячъ.

«Французы начали уже послѣ сбора выстраиваться, а казаки, между тѣмъ, развернулись и выстроились, наподобіе вѣера, въ одну линію, имѣя незначительный резервъ въ тылу у себя.

«Казаки пошли въ атаку, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Французы, въ этомъ дѣлѣ, не обнажали своихъ сабель, и выстрѣлы ихъ заставили Русскихъ нѣсколько измѣнить свое расположеніе. Покамѣстъ эти послѣдніе перестраивались, непріятель построилъ колонны на полныхъ интервалахъ и расположился въ боевомъ порядкѣ. Сначала мы думали, что Французы приготовляются къ атакѣ, но въ послѣдствіи оказалось, что они только растягивали свои линіи, для избѣжанія обхода, весьма опаснаго въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло съ казаками.

«Съ обѣихъ сторонъ, въ одно и то же время, были приняты новыя предосторожности: казаки не должны были укрываться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и офицеры ихъ получили строжайшее приказаніе рубить на смерть перваго, кто обратится въ бѣгство.

«Нѣкоторые эскадроны должны были, во время боя, обойти непріятеля и атаковать его съ тыла и во флангъ. Всѣ эти приказанія были пунктуально исполнены. Казаки кинулись на Французовъ и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ. Я самъ видѣлъ, какъ нѣкоторые драгуны, выпустивши одинъ только выстрѣлъ и не имѣя даже времени обнажить своихъ сабель, были выбиты изъ сѣделъ и тутъ же насквозь проколоты пиками. Сначала Французы упорно защищались и дѣйствовали такъ, какъ, вообще, должна дѣйствовать каждая хорошая кавалерія, когда имѣетъ дѣло съ ловкимъ противникомъ, безпрестанно возобновляющимъ свои атаки; но потомъ нѣкоторые эскадроны обратились въ бѣгство, и вскорѣ ихъ примѣру послѣдовали и остальные. Непріятельскій резервъ, вмѣсто того, чтобы принять участіе въ этомъ дѣлѣ и возстановить побѣду, также присоединился къ войскамъ, бѣжавшимъ по направленію къ Якобштадту, и, въ самое непродолжи-

тельное время, равнина покрылась всадниками, удалявшимися въ разсыпную.

«Не было рѣшительно ни одного взвода, который отступалъ бы въ порядкѣ. Это была настоящая скачка съ препятствіями (*course au clocher*), и большая часть людей, прежде, нежели быть захваченными въ плѣнъ, попадали съ своихъ лошадей. Наконецъ мы вышли на опушку лѣса и совершенно неожиданно наткнулись на непріятельскихъ кирасиръ. Войска наши заколебались и остановились безъ всякой команды; но такъ какъ мы рѣшились удовольствоваться пріобрѣтенными успѣхами, то поэтому и отступили къ Мюльбергу.» (*)

Военная исторія представляетъ намъ много весьма поучительныхъ примѣровъ того превосходства казаковъ надъ регулярною кавалеріею, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать и которое не должно забывать. Я хочу теперь привести мнѣніе одного французскаго кавалерійскаго генерала.

«Казаки—говорить де-Бракъ—дѣлаютъ войну весьма опасною, и въ особенности для тѣхъ офицеровъ, которые назначены производить рекогносцировки. Многіе изъ нихъ, въ особенности же офицеры Генеральнаго Штаба, довольствуются, обыкновенно, только тѣмъ, что успѣваютъ узнать отъ мѣстныхъ жителей, и, изъ опасенія наткнуться на казаковъ, никогда не повѣряютъ на мѣстѣ этихъ показаній; а потому главнокомандующій рѣдко можетъ знать все то, что происходитъ въ непріятельскихъ войскахъ.»

Вотъ вамъ и французскіе офицеры, не желающіе подвергать себя разнаго рода опасностямъ на войнѣ! вотъ вамъ и геній Наполеона, парализированный удачными дѣйствіями этихъ полудикихъ наѣздниковъ! Уже одно это не имѣетъ развѣ своего важнаго значенія?....

Другой французскій генералъ, г. Моранъ, говоритъ: «Эти дикіе кавалеристы совершенно пренебрегаютъ нашимъ строемъ,

(*) Грустно сознаться въ томъ, что когда наша кавалерія имѣла дѣло съ русскими казаками, то должна была ограничиваться однѣми только эволюціями, и какъ только въ ея рядахъ распространялся беспорядокъ, то, въ ту же минуту, эти ловкіе смѣльчаки съ быстротою птицы кидались на отдѣлявшіеся при этомъ людей и убивали ихъ на мѣстѣ или же захватывали въ плѣнъ. Изъ кавалеристовъ, умѣющихъ хорошо владѣть своимъ оружіемъ и ловко управлять своими лошадьми, можно составлять партизанскіе отряды, которые, частыми и удачными нападеніями на своихъ противниковъ, заставляютъ ихъ быть болѣе осторожными въ виду нашихъ войскъ.

Прил. Бонно-дю-Мартрей.

нашимъ равеніемъ и этою правильностію въ движеніяхъ, которая исключительно уважается нами. Казаки имѣютъ обыкновеніе крѣпко сжимать своихъ лошадей колѣнями и ноги свои привыкли упирать на широкія стремяна, которыя, вмѣстѣ съ этимъ, служатъ имъ и точкою опоры въ тѣхъ случаяхъ, когда они употребляютъ въ дѣло свое оружіе. Кидаясь въ атаку, они, обыкновенно, несутся крупнымъ галопомъ и коротко останавливаются на этомъ аллюрѣ. Ихъ лошади много способствуютъ смѣлости и съ своими всадниками составляютъ какъ будто одно цѣлое. Эти люди, будучи весьма осторожны, не требуютъ особенныхъ попеченій о себѣ, отличаются необыкновенною стремительностію въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣдкою смѣлостію въ своихъ движеніяхъ. Не правда ли, какое великолѣпное зрѣлище представляла собою наша кавалерія, когда, блистая, при лучахъ юньскаго солнца, золотомъ и сталью, пылая отвагою, она гордо развертывала свои стройныя линіи на покатосяхъ Немана?... Какія грустныя размышленія возбуждали эти эволюціи, утомлявшія только ея лошадей и оказавшіяся совершенно бесполезными въ дѣлахъ съ тѣми самыми казаками, которые до сихъ поръ были презираемы всѣми, но которые, при всемъ этомъ, болѣе сдѣлали для славы Россіи, чѣмъ даже регулярныя войска этой имперіи.»

«Каждый день являлись новыя полчища этихъ смѣлыхъ наѣзниковъ, какъ будто для того, чтобы выказать свое полное презрѣніе къ намъ. Мы развертываемся, смѣло кидаемся въ атаку и совершенно уже настигаемъ ихъ линіи; но они пропадаютъ какъ сонъ, и на мѣстѣ ихъ видны только однѣ голыя сосны и березы. По прошествіи часа, когда мы начинаемъ кормить лошадей, черная линія казаковъ снова показывается на горизонтѣ и снова угрожаетъ намъ своимъ нападеніемъ; мы повторяемъ тотъ же маневръ и, по прежнему, не имѣемъ успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ.»

«Такимъ образомъ, одна изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ кавалерій (*), какую только когда нибудь видѣли, утомлялась и приходила въ разстройство въ дѣлахъ съ тѣми людьми, которыхъ она постоянно считала недостойными себя. Чтобы вполнѣ высказать это грустное сознаніе, необходимо къ этому добавить и

(*). Но — увы! — она до такой степени была тяжела и неповоротлива, что мало поэтому, приносила пользы другимъ войскамъ. *Прим. автора.*

то еще, что наша кавалерія, при всей своей малочисленности въ сравненіи съ казаками, весьма часто дѣйствовала противъ нихъ вмѣстѣ съ артиллерією, которая, въ то время, считалась самою подвижною и до того была неустрашима, что презирала смерть и опасность. Наконецъ, несмотря на то, что главный начальникъ всей кавалеріи, считавшійся однимъ изъ славныхъ героевъ этой эпохи, принялъ за правило свои движенія поддерживать самою отборною пѣхотою, казаки все-таки возвратились съ добычею и славою на берега своего роднаго Дона, тогда какъ мы оставляли Россію, покрытую костями и оружіемъ тѣхъ самыхъ воиновъ, которые были такъ неустрашима и такъ много преданы славѣ своего отечества.»

Какая странная противоположность между этою похвалою казакамъ, наполненною какими-то великодушными уступками со стороны Француза, и печальными дѣйствіями регулярной кавалеріи русской арміи!...

Развѣ, послѣ этого, могутъ что нибудь сказать защитники неповоротливыхъ эскадроновъ съ ихъ тяжелымъ обмундированіемъ и съ ихъ необыкновенно правильными маневрами?...

Если дурно вооруженные казаки съ своими маленькими лошадами могли приводить въ разстройство регулярную французскую кавалерію, несмотря на смертоносный огонь ея артиллеріи, то чего бы можно было ожидать отъ этихъ наѣздниковъ, если бы ихъ посадили на сильныхъ и кровныхъ лошадей, если бы имъ, наконецъ, дали хорошее вооруженіе? Пики, употребляемые ими въ эту войну, до того были дурны, что нѣкоторые французскіе солдаты получали до двадцати ударовъ и не только не умирали отъ этого, но не были даже и тяжело ранены (*).

(*) Хотя казаки, дѣйствительно, имѣютъ весьма незамысловатое вооруженіе и по виду весьма некрасивыхъ лошадей, но вся тайна успѣха заключается въ ихъ своеобразной тактикѣ и въ тѣхъ личныхъ достоинствахъ, которыми, по справедливости, могло бы гордиться каждое регулярное войско. На войнѣ ихъ неутомимость не имѣетъ предѣловъ, а храбрость и смѣлость доходятъ до дерзости. Казацкія лошади, хотя съ виду некрасивы, костлявы и малы ростомъ, за то не требуютъ большаго ухода за собою, при этомъ неутомимы, послушны и болѣе, чѣмъ всякая другая лошадь, переносятъ недостатки корма. Не мудрено, послѣ этого, ежели первое столкновение казаковъ съ регулярными войсками европейскихъ государствъ окончилось пораженіемъ послѣднихъ и заставило задуматься тѣхъ военныхъ писателей, которые почти не знали этого народа и не были знакомы съ ихъ своеобразною и оригинальною тактикою.

Эта своеобразная, извѣстная намъ тактика, столь успѣшно усвоенная въ ка-

Такой же контрастъ существуетъ и въ Индіяхъ, между нашими туземною иррегулярною и туземною регулярною кавалеріями. Первая, дѣйствуя болѣе по привычкѣ и по здравому смыслу, имѣя, кромѣ того, организацію и вооруженіе на восточный манеръ, почти всегда дѣйствуетъ удачно, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ее употребляютъ большими массами на фуражировки или для развѣдываній. Что касается до регулярной кавалеріи, то наши правила и нашъ уставъ совершенно испортили ее, и, вообще, можно положительно сказать, что она ни къ чему не способна. Въ продолженіе довольно долгаго времени, мы содержали въ Индіяхъ одну только туземную иррегулярную кавалерію. Полки, входящіе въ составъ этого войска, были сформированы гораздо раньше пѣхоты сипаевъ и оказали намъ большія заслуги. Они всегда были въ дѣлѣ ловки и поворотливы. До сихъ поръ еще имена многихъ предводителей этой знаменитой кавалеріи пользуются уваженіемъ въ своей странѣ, и если бы эти полки организовать на европейскій манеръ, то о нихъ, навѣрное, иначе бы не говорили, какъ о герояхъ.

Можно еще привести много совершенно новыхъ примѣровъ въ доказательство полнаго превосходства легкой кавалеріи надъ тяжелою.

Во время венгерской войны, въ 1848 и въ 1849 годахъ, Венгерцы имѣли только однихъ гусаръ и только ихъ могли противопоставить тяжелой кавалеріи Австрійцевъ. Хотя эти гусары и были малочисленны въ сравненіи съ своими противниками, но они отважно ходили въ атаку на нихъ, иногда даже разбивали Австрійцевъ и нерѣдко заставляли ихъ испытывать большія потери. И, дѣйствительно, 3 января 1849 года, въ окрестностяхъ деревни Тетени, эскадронъ 10-го Фридриха-Вильгельма гусарскаго полка атаковалъ нѣсколько эскадроновъ австрійскихъ кирасиръ и разбилъ ихъ наголову. Эти же самые кирасиры, за

зачьихъ войскахъ, вызвала со стороны Нолана столь лестную похвалу весьма удачнымъ дѣйствіемъ казаковъ въ отечественную войну 1812 года.

Мы не будемъ говорить, на сколько справедливъ авторъ, сдѣлавши предложеніе посадить казаковъ на рослыхъ лошадей и измѣнить настоящее ихъ вооруженіе: прошедшее и безъ того уже ясно говоритъ въ пользу ихъ умѣнья обращаться съ своими лошадьми; а пики, противъ которыхъ такъ сильно возстаетъ капитанъ Ноланъ, въ ихъ рукахъ, всегда были грознымъ оружіемъ, и не одинъ разъ оно наводило ужасъ на тѣ самыя войска, которыя, по словамъ иностранныхъ писателей, «постоянно презирали этихъ полудикихъ наѣздниковъ».

Ред.

нѣскольکو дней передъ этимъ, подъ начальствомъ полковника Оттингера, произвели блистательную атаку противъ непріятельской пѣхоты, построенной въ два каре, и захватили всю ея артиллерію. Такимъ образомъ, мы видимъ, что главную причину многихъ неудачъ со стороны тяжелой кавалеріи нужно отнести не къ недостатку личной храбрости у ея людей, а къ ихъ тяжелому обмундированію, къ неповоротливости и неловкости ея лошадей.

Седьмая дивизія корпуса Гѣргея (Görgey), для прикрытія границъ, стояла въ окрестностяхъ Парендорфа, а въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого мѣстечка, около Вольфшталя, расположился, съ своими войсками, Јелашичъ. Австрійскіе аванпосты содержались вальмоденскими кирасирами, а венгерскіе — николаевскими гусарами. Когда нѣскольکو эскадроновъ австрійскихъ кирасиръ перешли границу и очутились въ равнинахъ Парендорфа, то вдали, на полныхъ рысяхъ, показались венгерскіе гусары. Эти послѣдніе, по мѣрѣ своего приближенія къ непріятелю, все увеличивали аллюръ, и хотя они были не болѣе, какъ горсть въ сравненіи съ своими противниками, но, несмотря на это, съ такою стремительностію бросились на Австрійцевъ, что совершенно смяли и разогнали ихъ кирасиръ. Эти послѣдніе, въ скоромъ времени, сдѣлались добычею своихъ ловкихъ противниковъ.

Дѣйствія легкой кавалеріи были также удачны и во многихъ другихъ случаяхъ. Въ доказательство, я приведу нѣскольکو отрывковъ изъ весьма замѣчательнаго сочиненія, Георгія Клапки, подъ заглавіемъ: «Народная венгерская война».

«18 декабря 1848 года, австрійская кавалерія, наступавшая, подъ начальствомъ Бана, отъ Соммерина, атаковала, около Альтенбурга, арріергардъ Венгерцевъ. Австрійцы развернули два полка и ввели въ дѣло всю свою артиллерію, которая весьма скоро была приведена въ молчаніе многочисленною артиллеріею Венгерцевъ. Непріятельская линія заколебалась и, казалось, хотѣла уже обратиться въ бѣгство. Въ эту минуту, полковникъ Гѣргей, съ четырьмя эскадронами 10-го гусарскаго полка, расположеннаго во второй линіи, бросился на правое крыло своихъ противниковъ, причинилъ имъ большія потери убитыми и ранеными и далеко ихъ гналъ потомъ въ безпорядкѣ съ поля сраженія. Австрійцы, покрытые облаками пыли, неслись во весь карьеръ и наткнулись на свои резервы, наступавшіе подъ начальствомъ ге-

нераль-маіора князя Франца Лихтенштейна. Это было первое столкновение двух кавалерійскихъ массъ, и въ этой встрѣчѣ, равно какъ и во многихъ другихъ стычкахъ, предшествовавшихъ ей, ловкій гусарь постоянно выказывалъ полное свое превосходство надъ кавалеристомъ, закованнымъ съ ногъ до головы въ желѣзо, и надъ австрійскимъ тяжело вооруженнымъ драгуномъ.»

«3 января, въ три часа вечера, правое крыло нашей арміи было атаковано передъ деревнею Тетени.»

«Еще около полудня наши аванпосты были отброшены къ Гамзабегу, и непріятель наступалъ, такимъ образомъ, по направленію къ деревнѣ Тетени. Бригада Циши, состоявшая, приблизительно, изъ 3,000 людей, заняла позицію къ юго-западу отъ мѣстечка, расположеннаго на большой дорогѣ; правая сторона примкнула къ высотамъ, лѣвая — къ Дунаю, а центръ сталъ у лѣса.»

«Непріятель, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій и гордый еще своими успѣхами при Моорѣ, послалъ нѣсколько эскадроновъ своихъ кирасиръ въ атаку на нашъ центръ. Эскадронъ 10-го Фридриха-Вильгельма гусарскаго полка, находившійся въ этомъ мѣстѣ, двинулся на встрѣчу къ нимъ и, имѣя въ головѣ всѣхъ своихъ начальниковъ, стремительно кинулся на непріятеля. Тогда завязался самый ожесточенный и самый кровопролитный бой, въ которомъ большая часть кирасиръ была изрублена или захвачена въ плѣнъ, а остальные обратились въ бѣгство и въ немъ только нашли свое спасеніе.»

«28 февраля 1849 года, когда Венгерцы находились почти въ отчаянномъ и безвыходномъ положеніи, подъ Мезекевездомъ произошло блистательное сраженіе, въ которомъ снова отличилась легкая кавалерія.»

«Во время нашего отступленія отъ Керченда и Макклара, непріятель послалъ, для преслѣдованія нашихъ войскъ, полкъ кирасиръ и бригаду артиллеріи. Они атаковали нашъ аріергардъ, въ разстояніи полутора версты отъ лагеря, и принудили его отступить. Такое отчаянное предпріятіе, совершенное въ нашихъ глазахъ, не могло оставаться безнаказаннымъ: 9-й Николаевскій гусарскій полкъ во весь карьеръ прискакалъ на помощь къ нашему отряду. Великолѣпное зрѣлище представляла собою эта горсть легкихъ кавалеристовъ, которая такъ смѣло кидалась

на неповоротливыхъ кирасирь, разстраивала ихъ ряды, опрокидывала и разгоняла ихъ со всѣхъ сторонъ.»

«Гусары захватили при этомъ всю непріятельскую артиллерию и весьма значительное количество пѣнныхъ. Австрійскіе резервы хотя и показались на высотахъ, въ виду нашего лагеря, но не рѣшились уже отнять орудій, потерянныхъ кирасирами.»

Быть можетъ, эти подробности, заимствованныя мною у Клапки, и не лишены пристрастія, потому что авторомъ ихъ былъ Венгерецъ; но свѣдѣнія, собранныя мною съ другихъ сторонъ, не позволяютъ мнѣ сомнѣваться въ ихъ достоверности.

Я хочу привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ письма, полученнаго мною отъ одного весьма опытнаго кавалерійскаго офицера, который исполнялъ должность адъютанта и служилъ на сторонѣ Австрійцевъ во время войны съ Венгерцами.

23 мая 1852 года.

«Любезный Нолянъ.

«Я хочу попытаться сдѣлать возраженіе на ваши замѣчанія о нашей кавалеріи и о пользѣ ея кирасы. По свидѣтельству нашихъ кирасирь, кираса хорошо предохраняетъ ихъ отъ пуль и отъ сабельныхъ ударовъ. Быть можетъ, это и правда; быть можетъ, выгода всякаго предохранительнаго вооруженія заключается въ воображеніи того, кто его носить и кто, считая себя на этотъ счетъ въ безопасности, дѣлается черезъ это смѣлѣе и скорѣе другаго можетъ стать лицомъ къ лицу съ опасностію. Во время венгерской войны, намъ никогда не приходилось замѣчать, чтобы тяжелая кавалерія, дѣйствительно, имѣла передъ легкою конницею какія либо другія преимущества, кромѣ вышеизложенныхъ. По многимъ причинамъ, мы не могли употребить въ дѣло нашей тяжелой кавалеріи и потому не могли извлечь изъ нея возможной пользы для себя.»

«Такъ какъ у насъ чувствовался сильный недостатокъ въ легкой конницѣ, то, на этомъ основаніи, тяжелая кавалерія употреблялась для аванпостной службы, для рекогносцировокъ, развѣдываній и т. д.; вслѣдствіе этого, ея лошади сильно утомлялись отъ тѣхъ тяжестей, которыя онѣ носили на себѣ.»

«Что касается до результатовъ тѣхъ стычекъ, которыя происходили между нашею тяжелою кавалеріею и венгерскими гу-

сарамъ, то прежде этого я долженъ сообщить вамъ мое мнѣніе о кавалерійскихъ атакахъ вообще, — мнѣніе, которое я составилъ себѣ на основаніи долгаго опыта.»

«Успѣхъ всякой кавалерійской атаки не столько зависитъ отъ состава корпуса и качества лошадей, сколько отъ рѣшительности людей и отъ ихъ привычки къ побѣдамъ, отъ ихъ довѣрія къ своимъ начальникамъ, а наконецъ, кромѣ того, и отъ момента самой атаки.»

«Такимъ образомъ, въ первую половину Венгерской войны, стыдъ потерять свои знамена, а также и гибельныя послѣдствія дурнаго управленія, имѣли большое вліяніе на дѣйствія венгерскихъ полковъ, и, послѣ пораженія, испытаннаго ими подѣ Швахатомъ, единственное затрудненіе, которое мы встрѣчали — это холодъ, а не непріятель.»

«При Бабольнѣ, Венгерцы пытались сопротивляться намъ, и одинъ изъ непріятельскихъ полковъ построилъ даже каре, но былъ тотчасъ же смятъ и уничтоженъ двумя эскадронами вальмоденскихъ кирасиръ, которые пошли въ атаку, не будучи даже поддержаны своею артиллеріею. Сколько я могу припомнить, то это былъ единственный случай, когда намъ удалось смятъ непріятельское каре безъ предварительнаго употребленія артиллеріи.»

«Эскадронъ 10-го гусарскаго полка, такъ блистательно дѣйствовавшій въ сраженіи при Тетени, былъ подѣ командою Мезея, который, въ то время, былъ простымъ субалтернъ-офицеромъ въ эскадронѣ. Этотъ офицеръ дослужился впослѣдствіи до полковника и находился въ томъ же 10 полку, который, во время всеобщаго венгерскаго возстанія, считался однимъ изъ лучшихъ венгерскихъ полковъ.»

«Впослѣдствіи, и именно въ первую половину кампаніи 1849 года, Венгерцы получили значительныя подкрѣпленія, которыя много способствовали къ возвышенію ихъ духа; да и наконецъ самая война продолжалась довольно долго.»

«Полки ихъ, въ это время, были преобразованы, и Венгерцы превосходили насъ своею числительностію. Впрочемъ, одни только ихъ гусары были грозны для насъ. Хотя они во всѣхъ рѣшительно случаяхъ дѣйствовали мужественно, смѣло кидались въ атаку на нашихъ кирасиръ и неповоротливыхъ драгунъ, но, при всемъ этомъ, съ польскими уланами они не любили имѣть дѣла.»

«Я совершенно соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ, что сила и качества лошади составляютъ главное условіе для всякой хорошей кавалеріи и что поэтому никогда не слѣдуетъ обременять животныхъ тѣми бесполезными тяжестями, которыя только уменьшаютъ и парализируютъ ея способности. Мнѣніе это не принадлежитъ одному только мнѣ: оно существуетъ и въ нашей арміи.»

«Венгерское сѣдло принято во всей нашей кавалеріи. Много усовершенствованій сдѣлано въ способахъ взуздыванія, сѣдланія и укладки, равно какъ и въ вооруженіи нашихъ кавалеристовъ. Артиллерія наша испытала большія перемены. Въ Вѣнѣ вы найдете много новыхъ школъ для верховой ѣзды и образцовый эскадронъ, составленный изъ отдѣльныхъ командъ отъ всѣхъ нашихъ полковъ.»

V.

ОРГАНИЗАЦІЯ КАВАЛЕРІИ.

Безъ всякихъ предисловіи, я приступаю къ самому краткому, по возможности, изложенію всего того, что до сихъ поръ я предлагалъ или въ видѣ совершенно новой системы, или какъ усовершенствованіе въ старой, въ достоинствѣ которой наши континентальныя сосѣди начинаютъ, кажется, сомнѣваться. Откровенно сознаюсь въ томъ, что, высказывая мои убѣжденія, я вовсе не желалъ нападать на тѣхъ, которые не сходились со мною въ своихъ взглядахъ.

Послѣ многихъ обдумываній, я пришелъ наконецъ къ тому заключенію, что во многомъ правъ. Безъ этой увѣренности я не рѣшался публиковать моихъ мнѣній; съ нею же, напротивъ, мнѣ кажется, что я былъ бы много виноватъ противъ своей обязанности, ежели бы изъ тѣхъ наблюденій и той опытности, которыя я успѣлъ пріобрѣсть, ничего не сдѣлалъ бы полезнаго для моихъ сотоварищей по службѣ и вообще для арміи.

Несмотря на мои убѣжденія, я все-таки не могу своему свободному разсказу придать догматическій характеръ. Конечно, я постараюсь побѣдить эти трудности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не буду имѣть претензіи и на тѣхъ, которые не раздѣляютъ моихъ убѣжденій. Только чрезъ сравненіе и столкновеніе между собою противоположныхъ мнѣній можно ожидать какихъ нибудь успѣховъ. Самое печальное положеніе для какого нибудь рода оружія, науки или для искусства есть то, когда наставники погружены въ довольство самими собою, когда они убѣждены въ томъ, что достигли уже полнаго совершенства и что за нимъ не можетъ быть никакихъ улучшеній. Извѣстно, что въ мірѣ ничто не можетъ оставаться въ положеніи *statu-quo*: все то, что нейдетъ впередъ, пятится назадъ — это законъ природы.

Для сформированія хорошей кавалеріи, необходимо, чтобы люди и лошади набирались съ большимъ разборомъ и чтобы какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ обрашали, по возможности, самое тщательное вниманіе. Каждый можетъ учиться ѣздить верхомъ, но не всякій способенъ сдѣлаться настоящимъ кавалеристомъ. Вообще, можно сказать, что Англичане любятъ лошадей и имѣютъ природную способность къ верховой ѣздѣ. Хотя мы и не центавры, но, тѣмъ не менѣе, народъ, способный быть весьма хорошими кавалеристами. Будучи чисто предоставлены самимъ себѣ, Англичане, на бѣгахъ и конскихъ скачкахъ съ препятствіями, побѣждаютъ цѣлый свѣтъ.

Послѣ заключенія мира, въ 1815 году, упражненія въ конскихъ скачкахъ и бѣгахъ были приняты всѣми государствами Европы, какъ самое лучшее средство для образованія смѣлыхъ кавалеристовъ; но, къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ нихъ оно не согласовалось съ духомъ и характеромъ народа. Несмотря на сѣти желѣзныхъ дорогъ, покрывшія Англію, вы все-таки на различныхъ сѣздахъ найдете такихъ наѣздниковъ (не отправляясь даже и въ Лейчестерширъ), какихъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ, разумѣется, за исключеніемъ Англичанъ, живущихъ за границею и принимающихъ дѣятельное участіе въ бѣгахъ, охотахъ, скачкахъ и т. д. Даже наши дамы, навѣрное, перещеголяютъ, въ чистомъ полѣ, всѣхъ учителей верховой ѣзды, съ ихъ разнаго рода математическими правилами. Онѣ перепрыгиваютъ тѣ барьеры, рвы и насыпи, которые иногда останавливаютъ гусарскихъ и драгунскихъ офицеровъ, принадлежащихъ къ иностраннымъ арміямъ.

При выборѣ людей для нашей кавалеріи, мы скорѣе обращаемъ вниманіе на ихъ ловкость, расторопность и находчивость, нежели на ростъ. Вслѣдствіи этого наши лошади, даже самыя лучшія, слишкомъ обременены тяжестью. Большая часть нашихъ людей, принадлежащихъ къ легкой кавалеріи, весьма неповоротливы и въ другихъ государствахъ Европы могутъ быть приняты за людей, годныхъ для тяжелой кавалеріи.

Отъ нашихъ гусаръ и драгунъ не требуется, чтобы они были ростомъ непремѣнно въ пять футовъ и въ семь или въ девять дюймовъ (метръ и 70 или 75 сантиметровъ) (*): они должны

(*) Ростъ французскаго драгуна и французскаго кирасира.

Прим. Бойно-дю-Мартрей.

быть проворны, смѣтливы и находчивы. Всѣ эти качества можно найти у людей и сильныхъ, и нерослыхъ, то есть не выше пяти футовъ и четырехъ дюймовъ (метръ и 62 сантиметра); если же вы увеличите силу и стойкость вашихъ лошадей, уменьшивъ при этомъ тяжесть, то чрезъ это ничего не потеряете въ отношеніи достоинства вашихъ людей. Венгерскіе гусары, которые едва ли не лучшія легкія войска въ цѣлой Европѣ, составлены изъ людей плечистыхъ и коренастыхъ. Въ лучшихъ полкахъ этихъ гусаръ средній ростъ людей не превосходитъ пяти футовъ и четырехъ дюймовъ (метръ и 62 сантиметра).

Наша легкая кавалерія, будучи составлена изъ неповоротливыхъ и тяжело вооруженныхъ людей, есть сущая нелѣпность и несообразность. Если человѣкъ въ полномъ своемъ вооруженіи и съ полнымъ конскимъ приборомъ вѣситъ болѣе 7½ пудовъ, или 126 килограммовъ (а намъ, дѣйствительно, приходилось встрѣчать такихъ солдатъ) (*), то не есть ли это аномалія, и особенно въ полкахъ легкой кавалеріи?... Красивый молодой человѣкъ, ростомъ въ пять футовъ и въ восемь или десять дюймовъ (метръ и 72 или 77 сантиметровъ), въ 18 или 20 лѣтъ, вѣситъ не болѣе 3,8 пуда; если же вы возьмете того же самага человѣка, но въ 35-лѣтнемъ возрастѣ (**), послѣ 7 или 8-лѣтней его службы и хорошей пищи, то вы найдете его слишкомъ тяжелымъ для солдата легкой кавалеріи. Что же тогда дѣлать? Срокъ его службы еще не кончился, или, лучше сказать, онъ желаетъ еще остаться въ арміи, хотя, быть можетъ, и чувствуетъ уже, что не годится для кавалерійской службы. Но можно ли перевести его въ пѣхоту или въ пѣшую гвардію и, такимъ образомъ, тяжелого солдата замѣнить болѣе легкимъ рекрутомъ? Одинъ полкъ выиграетъ въ немъ человѣка, приученнаго къ дисциплинѣ, а другой въ замѣнъ этого приобрететъ кавалериста менѣе тяжелого.

Сдѣлавъ надлежащій выборъ въ людяхъ, способныхъ къ кавалерійской службѣ, необходимо потомъ выполнить одно изъ главныхъ условій — снабдить его хорошимъ оружіемъ. Хорошее оружіе для кавалериста имѣетъ то же значеніе, какъ хорошія зем-

(*) Во Франціи лошади карабинеровъ носятъ на себѣ тяжести въ 8½ пудовъ, или 140 килограммовъ, а гусарскія — въ 7 пудовъ, или 112 французскихъ килограммовъ.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

(**) Въ Англіи большая часть солдатъ служитъ до конца своей жизни.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

ледѣльческія орудія для пахаря. Оружіе для кавалериста не только должно быть самаго лучшаго достоинства, но и должно быть приспособлено къ той службѣ, которая требуется отъ кавалеріи вообще. Какъ лучшій ремесленникъ, такъ и хорошій солдатъ потеряютъ вѣру въ самихъ себя, если, для исполненія ихъ профессіи, вы дадите имъ въ руки дурныя орудія.

Хотя, въ послѣднее время, вооруженіе пѣхоты и артиллеріи получило значительныя усовершенствованія, но за то ничего не сдѣлано для вооруженія кавалеріи, гдѣ оно играетъ весьма важную роль.

На нашу регулярную кавалерію, которая въ Индіи понесла значительныя потери и которая, кромѣ того, имѣетъ обмундированіе и вооруженіе на европейскій манеръ, необходимо обратить особенное вниманіе.

Капитанъ Такквиль (Thackwell), въ своемъ сочиненіи: «Исторія войны съ Сейками», говоритъ:

«Доказано уже, что въ сраженіи при Рюмюгерфъ, а также и во многихъ другихъ слѣдовавшихъ за нимъ, наши легкіе кавалеристы не имѣли рѣшительно никакой вѣры въ свои сабли. Едва ли между ними вы найдете полъ-дюжины такихъ людей, которые употребляли бы ихъ въ дѣло. Съ приближеніемъ къ неприятелю, они тотчасъ же хватились за свои пистолеты, и единственною ихъ заботою при этомъ было зарядить и произвести выстрѣлъ изъ нихъ.»

«Послѣ этого нетрудно вообразить себѣ, до какой степени это недовѣріе къ всему оружію имѣло вліяніе на стойкость регулярной кавалеріи. Весьма мало туземцевъ успѣли привыкнуть къ мундштуку и къ длиннымъ стременамъ европейскихъ драгунъ.»

«Верховая ѣзда ихъ требуетъ короткихъ стремянъ.» (*)

(*) Всѣ восточные народы употребляютъ совершенно сядячую верховую ѣзду. Проводя большую часть своей жизни на лошади, весьма естественно, если они придерживаются такому способу, который дозволялъ бы имъ, безъ особеннаго утомленія, дѣлать продолжительные переходы. Быть можетъ, со стороны сбереженія животныхъ этотъ способъ и не такъ хорошъ, но все-таки нашу верховую ѣзду нельзя примѣнить къ тѣмъ народамъ, которые имѣютъ весьма смирныхъ и весьма послушныхъ лошадей. Верховая ѣзда, принятая восточными наѣздняками, кромѣ удобства, представляетъ и ту еще выгоду, что, во время боя, всадники могутъ подниматься на своихъ стременахъ и, дѣлаясь чрезъ это выше своего противника, могутъ удобно наносить ему удары саблею. Въ настоящее время, трудно рѣшить, который изъ этихъ способовъ болѣе удобенъ на войнѣ.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

«Весьма часто случалось, что, при атакахъ, нѣкоторые драгуны совершенно теряли власть надъ своими лошадьми. Представьте себѣ Англичанина или Англо-Индійца, гарпующаго на своей бѣшеной лошади передъ Гурхуромъ или Сейкомъ. Эти послѣдніе сначала избѣгаютъ столкновенія съ нимъ, потомъ быстро поворачиваются, кидаются на него и наносятъ ему саблею смертельный ударъ въ затылокъ.»

Тотъ же самый авторъ, описывая иррегулярную индійскую кавалерію, составленную изъ туземцевъ, иначе вооруженныхъ и ѣздящихъ на короткихъ стременахъ, говорить:

«12 иррегулярнаго полка капитанъ Гольмъ весьма часто былъ предметомъ удивленія всей арміи. Въ схваткахъ съ непріятелемъ, отчаянная смѣлость его людей доходила до дерзости. Иррегулярная кавалерія, отыскивая постоянно случай сразиться съ своими противниками, особенно отличилась во время преслѣдованія по направленію къ Гуджерату.

«Будучи свидѣтелемъ смѣлыхъ атакъ синдскихъ кавалеристовъ противъ Афганцевъ, въ сраженіи при Гуджератѣ, я пришелъ къ тому заключенію, что никакая кавалерія не могла бы обратить непріятеля въ бѣгство болѣе блистательнымъ и болѣе рѣшительнымъ образомъ. Они имѣли полное довѣріе и къ своему оружію, и къ своему обмундированію.

«9 иррегулярный полкъ, подъ начальствомъ Кравфорда Шамберлена, получилъ особенную благодарность главнокомандующаго за блистательные подвиги, оказанные имъ въ дѣлахъ противъ Сейковъ и Гурхуровъ, которые, занимаясь бродяжничествомъ, захватывали часто безъ боя вьючныхъ верблюдовъ.....»

«Сопутствуемые храбрыми и смѣлыми солдатами, начальники иррегулярныхъ войскъ всегда имѣли возможность удовлетворить жажду свою къ отличіямъ.... Такіе юные еще герои, какъ Гольмъ, Кравфордъ и Невилль Шамберленъ, Мадколмъ (Malcolm), Те (Tait) и Кристи (Christie), скорѣе согласятся имѣть у себя подъ командою полтораста человекъ своихъ солдатъ, нежели триста человекъ, но принадлежащихъ къ другимъ полкамъ.»

Война съ Сейками можетъ представить много доказательствъ въ пользу того, до какой степени бесполезна наша туземная кавалерія, организованная на англійскій манеръ.

ПРИЛОЖ.

Въ то время, какъ дѣйствія синдской кавалеріи, въ продолженіе всей этой войны, постоянно были болѣе, нежели блистательными, о нашихъ регулярныхъ войскахъ ничего хорошаго нельзя сказать; а, между тѣмъ, единственное различіе заключается только въ ихъ организаціи.

Регулярная индійская кавалерія рѣшительно ни къ чему не годится, тогда какъ люди ея могли бы быть хорошими солдатами, если бы только они одѣвались, ѣздили и были вооружены на свой манеръ.

«Когда кавалеристъ испытанной уже храбрости сидитъ на плоскомъ сѣдлѣ съ длинными стременами, стѣсненъ своею одеждою и вооруженъ дурною саблею, то онъ теряетъ всякую смѣлость и не идетъ даже въ атаку, потому что въ ней онъ видитъ явную погибель для себя.

«Каждый всадникъ долженъ крѣпко и твердо сидѣть въ своемъ сѣдлѣ. Одежда не должна стѣснять его, чтобы онъ чувствовалъ себя вполнѣ свободнымъ въ своихъ движеніяхъ, и, наконецъ, въ своихъ рукахъ онъ долженъ имѣть такое оружіе, отъ одного удара котораго свалился бы его противникъ.

«Жалко со стороны смотрѣть на туземца, сидящаго въ англійскомъ сѣдлѣ, стянутаго наподобіе муміи своею одеждою, полузадавленнаго кожанымъ галстухомъ и вооруженнаго такою форменною саблею, которая, въ самое непродолжительное время, притупляется стальными ножами.

«И этотъ несчастный, для котораго главное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы твердо держаться въ своемъ сѣдлѣ и не терять своихъ стремянъ, котораго тѣло и руки парализованы узкимъ мундиромъ и сабля котораго едва ли можетъ разрубить рѣпу, получаетъ вдругъ приказаніе идти въ атаку. Если же онъ не въ состояніи исполнить этого, что можетъ случиться и со всякимъ другимъ на его мѣстѣ, то наводятъ слѣдствіе, расформируютъ даже полки и, въ выраженіяхъ, наполненныхъ упреками и удивленіями, порицаютъ поведеніе этихъ солдатъ. Мнѣ кажется, нужно порицать не людей, а систему.» (*)

Если эта система, подвергнутая продолжительнымъ испытаніямъ, оказалась неудобною на востокѣ, то какимъ образомъ

(*) Извлеченіе изъ письма, напечатаннаго въ дѣлійской газетѣ.

Прим. автора.

могутъ предполагать ее хорошею въ примѣненіи къ нашимъ полкамъ?

Цвѣтъ кожи у людей не можетъ, кажется, оправдывать этого. Только врожденная храбрость нашего солдата даетъ ему превосходство надъ своимъ противникомъ, а не довѣріе къ оружію, которое до такой степени оказывается неудовлетворительнымъ въ бою, что всадникъ не можетъ даже хорошо управлять своею лошадыю.

Если туземцы должны имѣть свободную посадку въ сѣдлѣ, если они должны имѣть короткія стремяна, просторную одежду и совершенно свободную шею, если имъ необходимо такое оружіе, которое позволило бы однимъ ударомъ повалить человѣка, то развѣ въ этомъ менѣе нуждаются наши англійскіе драгуны? Или, быть можетъ, всѣ эти условія не такъ необходимы для насъ и въ бою не прибавятъ силы нашимъ солдатамъ?

Конечно, нужно имѣть нѣкотораго рода смѣлость, нужно быть свободнымъ рѣшительно отъ всякихъ предразсудковъ и ложныхъ идей, чтобы признать ни къ чему негодною такую систему, которая искони превозносится всѣми опытными и даровитыми людьми.

Однакожь, нѣсколько уже разъ повторявшіеся случаи ясно доказываютъ намъ, что кавалерія, вмѣсто того, чтобы совершенствоваться, все болѣе и болѣе теряетъ свое прежнее значеніе и что много нужно предпринять реформъ въ этомъ войскѣ, дабы сдѣлать его въ той степени грознымъ и полезнымъ, какимъ оно можетъ быть.

Во время моего пребыванія въ Индіяхъ, произошло столкновение между иррегулярными кавалеристами Низама и шайкою инсургентовъ. Эти послѣдніе хотя своею числительностію и превосходили противниковъ, но были разбиты и понесли большія потери. Послѣ сраженія, я обратилъ особенное вниманіе на донесеніе хирурга объ убитыхъ и раненыхъ, изъ которыхъ большая часть сильно пострадала отъ сабельныхъ ударовъ. При этомъ замѣчено было, что:

Руки были отняты отъ самаго плеча и голова была разрублена на двѣ части.

Кисти были вырѣзаны нѣсколько выше запястья и, повидимому, однимъ ударомъ, въ тотъ моментъ, когда онѣ, вѣроятно, были подняты для защиты головы.

Бедрa были совершенно разрублены выше колѣна и т. д. Изумленіе мое было велико. Неужели это были великаны, которые такъ искусно разрубали члены? Или, быть можетъ (какъ меня впоследствии и увѣрили въ этомъ), такихъ результатовъ достигали они вслѣдствіе хорошей закалки своихъ клинковъ и способа ихъ употребленія?

Я до такой степени былъ заинтересованъ всѣмъ этимъ, что желалъ видѣть этихъ низамскихъ наѣздниковъ, рассмотреть хорошо ихъ сабли и быть свидѣтелемъ той ловкости, съ которою они разрубаютъ своихъ противниковъ. Случай въ скоромъ времени представился: главнокомандующій долженъ былъ отправиться въ Гейдерабадъ, для осмотра своихъ войскъ, и я сопутствовалъ ему въ этой поѣздкѣ. Послѣ переправы черезъ рѣку Кистну, одинъ эскадронъ этихъ кавалеристовъ, въ видѣ конвоя, присоединился къ нашему отряду. Представьте же теперь мое удивленіе!... Большая часть ихъ клинковъ были такіе же, какъ и клинки нашихъ драгунъ; только они ихъ нѣсколько передѣлали и по своему оправили ихъ. Металлическіе эфесы весьма удобны для держанія въ рукѣ и не такъ круглы, какъ эфесы нашихъ сабель, у которыхъ клинки, вслѣдствіе этого, часто не вращаются по желанію. Ихъ сабли, отточенныя до остроты бритвы, вкладываются въ деревянные ножны, которыя, съ помощію одного только короткаго ремня, подвѣшиваются къ португелю. Съ передней стороны этой послѣдней пришита пуговица, на которую надѣвается узкій ремешокъ; но такъ какъ другой конецъ этого ремешка прикрѣпляется къ сабельному эфесу, то вслѣдствіе этого онъ поддерживаетъ саблю и препятствуетъ ей выпадать изъ ноженъ.

Низамскіе кавалеристы свои сабли обнажаютъ только передъ атакою.

Предполагая, что деревянные ножны не обладаютъ такою прочностію, чтобы выдерживать всю кампанію, я досталъ положенія о вооруженіи этихъ полковъ, а также и полковъ нашей регулярной кавалеріи, которымъ полагаются стальные ножны. Сравнивая ихъ между собою, я нашелъ, что деревянные ножны выдерживаютъ долѣе, нежели стальные. Листовое желѣзо ломается отъ ударовъ ногою, а также и при паденіи, между тѣмъ, какъ дерево, болѣе упруго и часто, въ подобныхъ обстоятельствахъ, только гнется. Что касается до носки сабель, то она

не обременяетъ пѣхотинца, и если сабля попадетъ между ногами, то люди отъ этого не спотыкаются. Сабли не производятъ шума, а бряцанье, происходящее отъ ударовъ колець или шпоръ о ножны, никогда не обнаружитъ собою ведета или разѣзда.

Въ колоннахъ, вообще, стараются всегда избѣгать рѣзкаго шума, препятствующаго солдатамъ слушать команды своихъ начальниковъ: весьма часто этимъ шумомъ вы даете знать о себѣ своему противнику съ такой большой дистанціи, что, въ настоящее время, при нечаянныхъ нападеніяхъ, приходится обертывать ножны соломой или сѣномъ.

Одинъ весьма опытный нѣмецкій кавалеристъ сообщилъ мнѣ, что прежніе англійскіе клинки, будучи обдѣланы и вправлены нѣмецкими наѣздниками на свой ладъ, находились въ большемъ употребленіи у нихъ, но что въ томъ видѣ, какъ мы ихъ носили, они всегда считали ихъ рѣшительно ни къ чему не годными.

Я спросилъ его, какимъ образомъ они направляютъ свои удары, въ тѣхъ случаяхъ, когда намѣреваются отнять какой нибудь членъ.

«— Мы сильно ударяемъ, отвѣчалъ онъ.

«— Это, конечно, сказалъ я: — но какъ научились вы владѣть саблею?

«— Мы никогда не учились, замѣтилъ онъ.—Какая бы рука ни была, но хорошій клинокъ всегда долженъ хорошо рубить.

Если бы наши солдаты имѣли подобное оружіе, то, въ одиночномъ бою, на нихъ не кидались бы съ такою увѣренностію: ихъ острые клинки внушили бы уваженіе къ себѣ и въ непріятельскихъ рядахъ распространили бы страхъ и ужасъ.

Всѣмъ извѣстно, что смертельныя раны страшно дѣйствуютъ на духъ той арміи, люди которой сильно страдаютъ отъ нихъ.

Въ брошюрѣ о кавалеріи, изданной въ Берлинѣ, между прочимъ, сказано, что, въ 1812 году, раны, нанесенныя русскими кавалеристами до такой степени вредно дѣйствовали на Пруссаковъ, что одно только самолюбіе и, вообще, хорошій духъ войска могли заставить ихъ вступать въ бой съ такими противниками.

14 драгунскаго полка капитанъ Фрипгеральдъ, въ сраженіи при Рюмюгерѣ, получилъ такой жестокій ударъ саблею, что тотчасъ же и умеръ. Пѣшій Сейкъ, прикрытый щитомъ, подкрался къ нему сзади и однимъ ударомъ своей сабли не

только раздробилъ ему черепъ, но и вывернулъ весь спинной мозгъ.

У одного весьма высокаго драгуна, также принадлежащаго къ этому полку, голова была совершенно отдѣлена отъ туловища. Въ то время, какъ наши солдаты искали возможности нанести какой нибудь вредъ своему непріятелю, простой ударъ Сейковъ по рукамъ или по колѣнямъ Англичанъ совершенно отдавалъ послѣднихъ во власть ихъ противниковъ.

Одинъ офицеръ, принимавшій участіе въ этой войнѣ, утверждаетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ индійскій наѣздникъ однимъ ударомъ своей сабли отрубилъ обѣ руки англійскому драгуну, въ тотъ моментъ, когда этотъ послѣдній хотѣлъ повернуть свою лошадь.

Одинъ Сейкъ, во время отступленія нашей кавалеріи отъ Шилланваллаха, кинулся на нашу конную артиллерію, изрубилъ двухъ ея фейерверкеровъ и приближался уже къ третьему; но этотъ послѣдній, видя, какое употребленіе дѣлаютъ его товарищи изъ своихъ сабель, вложилъ свою въ ножны, прехладнокровно вытащилъ плеть и ею такъ хватилъ лошадь своего противника, что этотъ смѣлый ударъ спасъ ему жизнь.

Одинъ эскадронъ 3 драгунскаго полка, подъ начальствомъ маіора Унетта, пошелъ въ атаку на тяжелыхъ сейкскихъ кавалеристовъ. Сейки при этомъ разомкнулись именно на столько, чтобы пропустить эскадронъ. Драгунъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ первой шеренги, будучи со всѣхъ сторонъ атакованъ непріятелемъ, прокололъ рядомъ стоящаго съ нимъ Сейка; но ударъ не былъ на столько дѣйствителенъ, чтобы могъ выбить изъ строя противника. Вслѣдствіе этого, Сейкъ подкрался къ драгуну сзади, срѣзалъ ему голову на линіи рта и сбросилъ ее на землю.

Полковникъ Штейнбахъ, въ своей исторіи о Пенджабѣ, говоритъ, что кавалерія Сейковъ, во всѣхъ отношеніяхъ, стоитъ ниже ихъ пѣхоты. Эта послѣдняя формируется съ большимъ стараніемъ и набирается изъ особенныхъ кандидатовъ; кавалерія же Сейковъ составляется изъ людей всякаго званія, роста, возраста и формируется самими предводителями ихъ.

Вообще, кавалеристы имѣютъ дурной видъ, дурно одѣты и весьма плохо ѣздятъ верхомъ. Лошади ихъ малы ростомъ, при

этомъ костлявы, дурно сложены и имѣютъ приплюснутый носъ— весьма вѣрный признакъ выродившейся породы.

Что же намъ послѣ этого остается дѣлать, ежели эти люди, несмотря на нашу систему, признанную всѣми за хорошую, несмотря на то, что они, во всѣхъ отношеніяхъ, хуже нашихъ солдатъ и даже, при этомъ, весьма плохо ѣздятъ, не только выдерживаютъ бой съ нашими войсками, но часто даже имѣютъ надъ ними перевѣсъ? Разсказываютъ, напримѣръ, что, въ сраженіи при Шилланваллахъ, одинъ сейкскій кавалеристъ вызвалъ на поединокъ Англичанъ и прежде, нежели самъ успѣлъ свалиться отъ выстрѣла, выбилъ изъ сѣдла трехъ драгунъ. Одинъ изъ нихъ, вооруженный пикою, потерялъ древко и большой палецъ своей руки, которые были разрублены однимъ и тѣмъ же сабельнымъ ударомъ. Къ чему поведетъ правильная атака, если непріятель одинаково храбръ и въ сомкнутомъ строю и въ одиночныхъ поединкахъ?

Сравнимъ два блистательныя сраженія, изъ коихъ одно происходило между тремя эскадронами 15 гусарскаго полка (*) и 500 Французовъ, вооруженныхъ и организованныхъ по образцовой системѣ, а другое — между эскадрономъ 3 легкаго драгунскаго полка и 500 Сейковъ. Эти послѣдніе весьма плохо ѣздили и составляли самый отчаянный сбродъ изъ всей сейкской націи.

Въ первомъ дѣлѣ, 15 гусарскій полкъ ходилъ въ атаку два раза.

Во второмъ сраженіи, 3 драгунскій полкъ, хотя смѣло и рѣшительно атаковалъ непріятеля, но Сейки успѣли разомкнуться, съ пѣлю пропустить его и выждать потомъ его возвращенія.

Такимъ образомъ, 15 гусарскій полкъ участвовалъ въ двухъ атакахъ противъ Французовъ, а 3 легкой драгунскій имѣлъ только одну стычку съ Сейками.

Первое сраженіе. «Въ общей атакѣ, произведенной, 2 октября 1799 года, противъ непріятеля подъ Бергеномъ и Эгмонтъ-он-Зее, 15 гусарскій полкъ составлялъ часть той кавалеріи, которая, находясь подъ командою лорда Пажета маркиза д'Энглси, была присоединена къ войскамъ сера Рульфа Аберкромбея.»

(*) Въ англійской кавалеріи эскадронъ есть тактическая единица, состоящая изъ 25 рядовъ.
Прим. Бонно-дю-Мартрей.

«Наступая вдоль берега по направленію къ Эгмонтъ-он-Зее, этотъ корпусъ, по срединѣ приморскихъ песчаныхъ холмовъ, наткнулся на непріятельскую пѣхоту, съ лѣвой стороны которой стояла многочисленная кавалерія, и впереди ея на морскомъ берегу расположена была вся артиллерія. Тотчасъ же завязался кровопролитный бой, въ которомъ хладнокровіе и храбрость англійской пѣхоты имѣли полный успѣхъ.»

«Французская колонна, принудивъ на нѣсколько миль отступить непріятели, остановилась лицомъ къ Эгмунту, и, между тѣмъ, какъ пѣхота подобнымъ образомъ пробиралась между дюнами, ихъ кавалерія пошла въ обходъ вдоль морскаго берега.»

«Англійская артиллерія выѣхала тогда на позицію, чтобы сбить артиллерію Французовъ, а два эскадрона 15 гусарскаго полка назначены были ей въ прикрытіе. Но такъ какъ лордъ Пажетъ свои эскадроны расположилъ въ засадѣ позади холмовъ, то французскій генераль вслѣдствіе этого предположилъ, что англійская артиллерія не имѣетъ прикрытія, а потому приказала пятистамъ кавалеристамъ кинуться на нее и завладѣть ею. Хотя орудія и встрѣтили этотъ кавалерійскій отрядъ градомъ картечи, но она мало принесла вреда непріятели, а потому остальные люди ускорили аллюръ и окружили эту артиллерію со всѣхъ сторонъ. Въ этотъ моментъ, два эскадрона 15 гусарскаго полка вышли изъ засады, кинулись на непріятели и, оттѣснивъ его къ резервамъ, возвратились къ спасеннымъ, такимъ образомъ, орудіямъ.»

«Непріятельскіе эскадроны, пристыженные бѣгствомъ въ виду столь незначительныхъ силъ, снова выстроились въ боевой порядокъ и возобновили атаку. Когда они находились уже въ разстояніи 25 сажень отъ нашихъ солдатъ, то третій эскадронъ 15 гусарскаго полка явился къ нимъ на помощь, и всѣ дружно кинулись на непріятели. Французы не только должны были отступить, но ихъ преслѣдовали еще на пространствѣ болѣе, чѣмъ полумили.»

«15 гусарскій полкъ при этомъ потерялъ три человѣка и четыре лошади убитыми, а полковникъ Джемсъ Эрскинъ—девять человѣкъ, и три лошади были ранены.» (*)

(*) Историческія воспоминанія 15-го гусарскаго полка.

Прим. Вонно-дю-Мартрей.

Второе сраженіе. Послѣ непродолжительной канонады, полкъ сейкской кавалеріи двинулся на нашъ лѣвый флангъ, бывшій подъ командой сера Жозефа Такквила, и хотѣлъ атаковать его съ тыла. Вслѣдствіе этого, генераль Такквиль приказалъ тремъ эскадронамъ 5-го полка легкой туземной кавалеріи и одному эскадрону 3-го драгунскаго полка, подъ начальствомъ маіора Унетта, атаковать и разогнать ихъ.

Храбрый генераль, кажется, хорошо еще помнилъ, что сдѣлало съ Французами въ Испаніи небольшое число эскадроновъ англійскихъ драгунъ, а потому весьма естественно, ежели онъ предполагалъ, что этихъ силъ будетъ вполне достаточно для того, чтобы опрокинуть Сейковъ. Оставшіяся затѣмъ въ его распоряженіи войска, то есть послѣдній эскадронъ 3-го драгунскаго полка и 8-й полкъ легкой туземной кавалеріи, должны были тотчасъ же кинуться на непріятеля, если удастся первая атака. Поданъ былъ сигналъ къ наступленію, и эскадронъ маіора Унетта, вмѣстѣ съ 5-мъ полкомъ легкой туземной кавалеріи, пошелъ въ атаку. Сейки открыли медленную пальбу.

Хотя маіоръ Унеттъ и продолжалъ со своимъ эскадрономъ храбро наступать, но 5-й полкъ туземной кавалеріи пришелъ отъ этой пальбы въ сильное разстройство, повернулъ назадъ и, несмотря на старанія всѣхъ своихъ начальниковъ, изъ которыхъ большая часть были ранены, обратился въ бѣгство.

Драгуны 3-го полка прорвали непріятельскую линію и очутились въ тылу у ней. Тогда тяжело раненый маіоръ Унеттъ увидѣлъ, въ какомъ страшномъ разстройствѣ находились его люди.

Горсть смѣльчаковъ, окружавшихъ его, хотя и пыталась проложить себѣ дорогу сквозь непріятельскіе ряды, но Сейки, быстро разомкнувшись, кинулись на нихъ и съ остервенѣніемъ принялись рубить ихъ.

Другіе отряды, подъ начальствомъ храбрыхъ офицеровъ Стистеда и Макквеена (Macqueen), отступали какъ могли.

Этотъ эскадронъ потерялъ, въ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, сорокъ-шесть человекъ и столько же лошадей.

Всѣ находились въ страшномъ безпокойствѣ, и даже самъ серъ Жозефъ Такквиль боялся, чтобы не уничтожили цѣлаго эскадрона (*).

(*) Извлеченіе изъ сочиненія сера Жозефа Такквила: «Вторая война съ Сейками»: сраженіе при Шилланваллахъ.

Съ одной стороны, мы видимъ, что два эскадрона англійскихъ гусаръ смѣло врубаются въ середину 500 Французовъ и тотчасъ же послѣ схватки опрокидываютъ ихъ.

Французы точно также стойко выдерживаютъ вторичную атаку Англичанъ, вовремя подкрѣпленныхъ однимъ эскадрономъ. Завязывается вторичный бой, и, въ двухъ этихъ стычкахъ, Англичане теряютъ только трехъ человѣкъ убитыми. При этомъ необходимо замѣтить, что Французы хорошо ѣздили верхомъ, а люди ихъ, отличаясь постоянно примѣрною храбростію, были дисциплинованы и организованы по нашей же собственной системѣ.

Въ другомъ сраженіи, два эскадрона 3-го драгунскаго полка стремительно кидаются на своихъ противниковъ и прорываютъ ихъ линію; когда же они хотѣли двинуться назадъ, то Сейки разомкнулись при этомъ, съ цѣлью пропустить драгунъ сквозь свои ряды, окружили ихъ потомъ со всѣхъ сторонъ, и, несмотря на то, что эти наѣзники имѣли дурной видъ и дурно управляли своими лошадьми, они заставили, однакожь, Англичанъ потерять, въ этой схваткѣ, до сорока-шести человѣкъ убитыми и едва не захватили въ плѣнъ ихъ храбраго начальника, маіора Унетта. Однимъ и тѣмъ же ударомъ ему разрубили лядунку и нанесли двѣ раны въ спину.

Можно также привести здѣсь и другой, болѣе замѣчательный, примѣръ:

18 іюня 1807 года, подъ Гейльсбергомъ произошло достопамятное сраженіе между дивизіею французскихъ кирасиръ и двумя полками прусской кавалеріи, изъ коихъ одинъ былъ уланскій, а другой драгунскій полкъ.

Французы, наступавшіе шагомъ и въ глубокой колоннѣ, наткнулись неожиданно на Пруссаковъ. Завязался общій бой, окончившійся въ пользу послѣднихъ. Пруссаки преслѣдовали непріятеля вплоть до Лавденскаго лѣса.

Въ извѣстномъ сочиненіи: «Victoires et conquêtes», упоминается объ одномъ французскомъ офицерѣ, который получилъ пятьдесятъ-двѣ раны и остался живъ; точно также и прусскій капитанъ Гебгардтъ получилъ ихъ болѣе двадцати. Этотъ храбрый офицеръ дѣйствовалъ съ удивительною смѣлостію: съ помощію древка, оставшагося въ его рукахъ отъ перерубленной пики, онъ выбилъ изъ сѣдла нѣсколькихъ кирасиръ, но подѣ-

конецъ самъ свалился на землю, отъ удара брыкнувшей лошади. Представьте теперь себѣ человѣка, который, получивъ пятьдесятъ-двѣ раны, не только остался при этомъ живъ, но не лишился даже употребленія какого нибудь члена. Не удивительно послѣ этого, ежели капитанъ Гебгардтъ подъ конецъ боя схватилъ простую палку (разбитое древко отъ пика), какъ оружіе, болѣе дѣйствительное и болѣе полезное, нежели дурная сабля.

До сихъ поръ я мало говорилъ о каскахъ, головныхъ уборахъ, платьѣ и, вообще, о простой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобной одеждѣ для солдата. Въ настоящее время, эти вопросы обращаютъ на себя общее вниманіе. Однакожь, простота не предполагаетъ еще собою отсутствія вкуса и нѣкоторой даже щеголеватости. Въ продолженіе всей службы вашего солдата, старайтесь постоянно о томъ, чтобы онъ былъ хорошо одѣтъ и имѣлъ всегда красивый видъ. Простота, на которую я хочу обратить ваше вниманіе, есть необходимая принадлежность всякой истинной щеголеватости. Мнѣ кажется, что мы слишкомъ много имѣемъ шитья, что мы слишкомъ фантазируемъ въ одеждѣ и допускаемъ такія тяжелыя вещи, которыя скорѣе обременительны, нежели полезны. У всякаго кавалериста каждая лишняя унція имѣетъ уже свое значеніе. Я никакъ не могу думать, чтобы одежда нашихъ гусаръ — возьмите даже какихъ вамъ угодно гусаръ — допускала необходимыя удобства на войнѣ. Солдату весьма часто приходится пробираться между деревьями, расчищать кустарники, проходить лѣсами, переправляться черезъ рѣки въ бродъ или вплавь, располагаться на бивуакахъ, кромѣ того быть всегда наготовѣ къ аванпостной службѣ и, вообще, исполнять довольно тяжелыя обязанности: къ чему служить эти перья, перевязи, лялунки, шурки, бараньи шкуры, ташки и т. д.?

Докторъ Фергюссонъ, въ своемъ сочиненіи, между прочимъ, говоритъ :

«Кажется, уже рѣшено, что англійскій гусаръ или уланъ долженъ быть непремѣнно вывѣской иностраннаго тряпья, которое до такой степени обшито золотомъ и разукрашено галунами, что наблюдатель, не посвященный во всѣ тонкости этого

туалета, рѣшительно не пойметъ, какимъ образомъ можно надѣтъ на себя такой костюмъ или снять его. Дамская муфта съ какою-то красною, въ видѣ кармана, выпушкою по сторонамъ, замѣнила собою каску, а это перо, которое такъ рѣзко отличается отъ конской гривы, развѣвавшейся нѣкогда на шлемахъ римскихъ всадниковъ, составляетъ собою украшеніе, не свойственное кавалеристу.»

«Первый разъ я видѣлъ гусара въ городѣ Гентѣ, который, въ то время, принадлежалъ еще Австрійцамъ. Когда я замѣтилъ, что бархатъ былъ роскошно вышитъ золотомъ, а рукава и корсажъ болтались на плечахъ всадника, то, конечно, я не могъ уже болѣе сомнѣваться въ томъ, чтобы шальная пуля не попала между рукавами этого несчастнаго. Взглянувши снизу на узкіе и шитые рукава, я замѣтилъ при этомъ весьма странную вещь, и съ тѣхъ поръ мнѣ постоянно хотѣлось знать, почему къ талии не подвязываютъ такихъ же шитыхъ рейтузъ, въ родѣ того, какъ набрасываютъ платье на плечи всадника, такъ какъ одно изъ главныхъ гигиеническихъ правилъ состоитъ въ томъ, чтобы не согрѣвать особенно верхнихъ частей тѣла, а нижнія держать, по возможности, въ теплѣ. Непромокаемый плащъ, который съ ногъ до головы закрывалъ бы кавалериста и сѣдло, оружіе и аммуницію, для защиты ихъ отъ дождя и непогоды на походѣ и во время расположенія ночью на бивуакѣ — вотъ единственная военная одежда, которою правительство должно снабдить своихъ солдатъ.»

«Шитье, какого бы рода оно ни было, есть уже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, насмѣшка надъ характеромъ Англичанъ. Перенимать отъ иностранцевъ все то, что можетъ принести дѣйствительную пользу для арміи, логично и хорошо; но, при всемъ этомъ, позвольте намъ одѣваться такимъ образомъ, чтобы нашъ костюмъ не боялся насмѣшекъ и не требовалъ бы большихъ издержекъ для поддержанія его въ надлежащемъ видѣ.» Что касается до кожаныхъ галстуховъ и до движеній головы, то докторъ Фергюссонъ говоритъ:

«Циркуляція крови по восходящимъ къ шеѣ артеріямъ, которыя суть самыя узкія жилы въ каждомъ человѣческомъ тѣлѣ, равно какъ и возвратъ ея по нисходящимъ вѣнамъ будутъ весьма затруднительны, если существуетъ тугая повязка, производящая часто поврежденіе въ мозгу.»

«Недостаетъ только того, чтобы, искусственнымъ сжатіемъ оптическихъ нервовъ, ослабить зрѣніе, и кажется, что кожаный галстухъ придуманъ съ цѣлью благопріятствовать появленію разнаго рода апоплексій и глазныхъ болѣзней.»

«Конечно, гораздо лучше, если солдатъ имѣетъ на своей шеѣ вередъ, результатомъ котораго, по крайней мѣрѣ, бываетъ цѣлительное гноеніе, нежели гдѣ ни попало располагать тугія повязки, которыхъ, вообще, нужно стараться избѣгать, при всякихъ воинскихъ уборахъ.»

«Тяжелый головной уборъ мучить и обременяетъ каждого человѣка. Онъ нагрѣваетъ и сдавливаетъ мозгъ, этотъ главный источникъ всѣхъ нашихъ умственныхъ способностей, который, по возможности, долженъ быть всегда освѣжаемъ. Кромѣ того, прямые солнечные лучи всегда нестерпимы для глазъ; но если они отражаются отъ бѣловатой и каменистой почвы, то разрушительно дѣйствуютъ на наше зрѣніе. Къ солдатамъ слѣдуетъ примѣнить такой головной уборъ, который устранялъ бы, по возможности, всѣ эти недостатки.» (*)

(*) Извлеченіе это сдѣлано мною изъ сочиненія: «Наблюденія и воспоминанія изъ жизни практика», авторъ котораго—Вилліамъ Фергюссонъ, бывшій главнымъ инспекторомъ всѣхъ военныхъ госпиталей въ Англіи. Сочиненіе это до такой степени поучительно и интересно для военныхъ, что я въ особенности рекомендую его ихъ вниманію. Оно было издано сыномъ его Джемсомъ Фергюссономъ, человѣкомъ, успѣвшимъ уже приобрести себѣ извѣстность и въ особенности прославившимся своимъ сочиненіемъ «О портсмутскихъ укрѣпленіяхъ», а также и новою фортификаціонною системою. Его труды не только, въ послѣднее время, заняли весьма почетное мѣсто въ ученomъ мѣрѣ, но и обратили даже на себя общее вниманіе.

Говоря о гусарахъ иностранныхъ армій, докторъ Фергюссонъ, кажется, не зналъ, что у венгерскихъ гусаръ существуютъ парадныя и роскошно-вышитыя золотомъ штаны, которыя надѣваются на обыкновенныя рейтузы; по крайней мѣрѣ, они ихъ имѣли въ то время, когда я имѣлъ честь служить въ этомъ войскѣ. Я въ особенности рекомендую испытать ихъ галстухи, которые состоятъ изъ простаго чернаго платка, свободно завязывающагося вокругъ шеи. Венгерцы свои ментики обшиваютъ мѣхомъ и вслѣдствіе этого имѣютъ нѣчто въ родѣ короткаго плаща, который, во время холодной погоды, надѣвается на доломанъ. Наши ментики не такъ просторны и далеко не такъ удобны, чтобы могли быть употребляемы съ подобною же цѣлью; къ тому же, мы носимъ ихъ всегда висячими, и они служатъ намъ вмѣсто доломана.

Одинъ эскадронъ 15 гусарскаго полка, проходившаго, въ 1880 году, чрезъ Низамъ, обратилъ на себя, въ Гейдерабадѣ, особенное вниманіе туземцевъ и подалъ собою поводъ къ различнымъ толкамъ о происхожденіи гусаръ. Одинъ туземецъ, который, кажется, въ этомъ отношеніи, заслужилъ большаго довѣрія, чѣмъ всѣ другіе, между прочимъ, говорилъ, что, въ одномъ сраженіи, этотъ полкъ до такой степени отличался, что король сказалъ ему: «Сегодня солдаты такъ храбро

Безъ всякихъ доспѣховъ, обременяющихъ собою лошадь и стѣсняющихъ человѣка, хорошій мундиръ, дѣйствительно, можетъ защищать всадника, между тѣмъ, какъ всякая другая, менѣе рациональная, одежда не въ состояніи даже прикрыть оконечностей самыхъ важныхъ частей нашего тѣла.

Главное вниманіе слѣдуетъ обратить на голову, заднюю сторону шеи, на руки и ноги. Азіятцы, которые хорошо понимаютъ эту необходимость, съ особеннымъ стараніемъ закрываютъ эти части, а потому имѣютъ полное преимущество передъ тѣми изъ своихъ противниковъ, которые пренебрегаютъ подобными предосторожностями.

Иррегулярные Турки носятъ чалму, которая лучше предохраняетъ голову всадника, нежели наши бронзовыя и стальные каски. Колѣни ихъ защищены глубокими сѣдлами, а ноги — широкими желѣзными стремянами. Рукава ихъ одеждъ подбиты волосомъ, и дурные клинки европейскихъ сабель едва ли могутъ испортить ихъ одежду, сдѣланную или изъ чистаго шелка, или шелка пополамъ съ бумагою. Одежды русскихъ и австрійскихъ солдатъ далеко не представляютъ собою такого сопротивленія турецкимъ мечамъ или ихъ легкимъ и короткимъ ятаганамъ (*).

дѣйствовали, какъ будто бы каждый изъ нихъ имѣлъ четыре руки, а потому пускай отнынѣ они будутъ имѣть и четыре рукава». Конечно, мы при этомъ не старались опровергать подобныхъ разсказовъ, которые были столь лестны для нашего самолюбія.

Прим. автора.

(*) Голова, шея, руки и колѣни суть такія части нашего тѣла, которыя болѣе всего страдаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рубятъ саблями; грудь же, напротивъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда ими колятъ. Но такъ какъ Азіятцы не могутъ вѣрно и хорошо колоть своими кривыми ятаганамъ, то вслѣдствіе этого они, по необходимости, направляютъ свои удары въ голову и оконечности, и только развѣ въ однихъ частныхъ стычкахъ они могутъ еще съ пользою для себя употреблять свое оружіе. Несмотря, однакожь, на безумную смѣлость восточныхъ наѣзниковъ, равны отъ ихъ оружія не всегда бываютъ смертельны, тогда какъ наши сабли одинаково превосходны и при линейной атакѣ, и въ одиночномъ бою, то есть почти на-смерть убиваютъ человѣка или лошадь. На этомъ основаніи, необходимо прежде всего защищать тѣло и руки, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣднія, будучи обременены рукавицами, не такъ ловко дѣйствуютъ во время фехтованія. Что касается до головныхъ уборовъ, то янычары, будучи значительно ниже каждаго всадника, сидящаго на лошади, болѣе страдаютъ отъ ударовъ, направленныхъ въ голову, нежели кавалеристы; на этомъ основаніи, вмѣсто чалмы, янычары носятъ каски, которыя гораздо удобнѣе обыкновенныхъ нашихъ касокъ.

Изъ примѣра, приведеннаго авторомъ, нельзя еще сдѣлать вѣрнаго заключенія о выгодѣ чалмы передъ каскою.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

«Обыкновенная привычка Сейковъ направлять свои удары въ затылокъ принесла такъ много вреда собою въ сраженіи 2 ноября, что наши офицеры принуждены были изыскивать особенныя средства для предохраненія этой важной части человѣческаго тѣла.»

«Хотя нѣкоторые изъ нихъ и обматывали кругомъ шеи толстыя тряпки, съ цѣлью образовать позади ея трудно проникаемыя складки, но это дѣйствіе сопряжено было съ большими трудностями....» (*)

Для защиты рукъ необходимо употреблять такіе рукавицы и нарукавники, которые не препятствовали бы свободно и ловко владѣть эфесомъ сабли,—напримѣръ, въ родѣ тѣхъ, какіе, обыкновенно, употребляютъ всѣ индійскіе наѣзники. Они выдѣлываютъ ихъ изъ мелкихъ бляхъ или стальныхъ колецъ и надѣваютъ на руки вплоть до самаго локтя. Это имѣетъ ту важную выгоду, что руки, будучи подняты кверху, могутъ отражать удары, направленные въ голову и въ туловище. Если рукавицы не тяжелы и руки остаются свободными при всѣхъ движеніяхъ, то только въ этомъ случаѣ и можно ловко и хорошо владѣть своимъ оружіемъ.

Полковникъ Понсомби, какъ онъ самъ рассказываетъ, былъ слѣдующимъ образомъ выбитъ изъ строя, въ сраженіи подъ Ватерлоо:

«Во время самаго боя, я почти совсѣмъ лишился употребленія обѣихъ рукъ, потерявъ сначала правую, державшую саблю, а потомъ и лѣвую, которая управляла поводомъ. Сопровождаемый небольшимъ числомъ моихъ людей, изъ коихъ почти всѣ были ранены, потому что намъ положительнымъ образомъ не давали пощады, я до тѣхъ поръ носился на своей лошади, пока не получилъ удара саблею и не свалился безъ чувствъ на землю.» (**)

Рейтузы нисколько не предохраняютъ всадника ни въ строю, ни во время сраженія: они постоянно рвутся, а нижнія ихъ части весьма скоро портятся отъ грязи и сырости; что же ка-

(*) Thackwell: «Histoire de la seconde Guerre des Sikh».

(**) Конечно, сберечь руки весьма важно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя же защитить и всего тѣла. Если полковникъ Понсомби получилъ нѣсколько ранъ въ руки и вслѣдствіе этого былъ выбитъ изъ строя, то это еще не очень большое несчастье, потому что онъ могъ бы получить смертельный ударъ въ грудь.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

сается до штрипокъ, то на лошади онѣ препятствуютъ чело-
вѣку свободно сгибать колѣни, а въ пѣшемъ строю не позво-
ляютъ свободно двигаться.

Рейтузы безъ штрипокъ, но сдѣланные наподобіе штиб-
летъ, имѣющихъ во всѣхъ своихъ частяхъ надлежащіе размѣры,
представляютъ весьма удовлетворительную защиту (*): съ ними
онѣ можетъ двигаться какъ ему угодно и ударъ по колѣну не
выбьетъ его изъ строя (**).

Что касается до огнестрѣльнаго оружія, которымъ должна
быть снабжена кавалерія, то, обращая, въ этомъ отношеніи, ско-
рѣе вниманіе на правильность стрѣльбы, чѣмъ на ея быстроту,
я предлагаю короткій карабинъ. Его можно носить въ цилин-
дрическомъ чехлѣ длиною около 30 сантиметровъ, или 11,82
дюймовъ, съ поддономъ внизу и открытымъ концомъ съ другой
стороны. Чехоль этотъ привязывается къ чухкѣ въ направленіи
лошадиныхъ плечъ, а самый карабинъ, съ помощію ремня дли-
ною въ ярдъ, или въ 2,9 фута, прикрѣпляется къ сѣдельной
шишкѣ, съ тою цѣлю, чтобы всадникъ, послѣ выстрѣла или во
время самой атаки, не могъ потерять его.

Если тяжелая аммуниція, со всѣми своими добавочными ча-
стями, будетъ уничтожена, то каждый солдатъ свободно можетъ
закинуть свое ружье за плечо и достать изъ ядунки патронъ,
что весьма трудно исполнить въ томъ случаѣ, когда карабинъ
поддерживается этою аммуниціею.

Тогда не нужно будетъ ни ремешковъ, ни подвязей, и ка-
рабинъ такъ же легко можетъ быть поднятъ или опущенъ, какъ
обыкновенный пистолетъ. Наконецъ, если всадникъ будетъ вы-
битъ изъ сѣдла, то онѣ можетъ отстегнуть ремень, о которомъ
я говорилъ, и употребить его въ видѣ простой перевязи. Пред-
лагаемый способъ носки карабина весьма мало отличается отъ
того, который существуетъ въ нашемъ уставѣ: онѣ болѣе
проченъ и при этомъ не въ такой степени стѣсняетъ всадника.

(*) Такъ какъ штиблеты съ голенищами изъ тонкаго листового желѣза весьма
хорошо предохраняютъ колѣни всадника отъ гибельныхъ ударовъ, то, вслѣдствіе
этого, они болѣе удобны, нежели рейтузы à la Lasalle, которыя, несмотря на всѣ
ихъ недостатки, до сихъ поръ еще въ большомъ употребленіи у Французовъ.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

(**) Когда кавалеристъ будетъ выбитъ изъ сѣдла, то онѣ преспокойно оставитъ
свои шпоры, штиблеты и останется въ однихъ башмакахъ и панталонахъ безъ
штрипокъ.

Прим. астора.